

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-5-1.19>

Дзуганова Рита Хабаловна

ХАРАКТЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СУФФИКСАЛЬНОЙ МОРФЕМЫ -ТЭ В ГЛАГОЛЕ КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОГО ЯЗЫКА

В данной статье на основе фактического материала прослеживается процесс превращения связанной корневой морфемы -тэ в суффиксальную. Определяется семантическая связь указанного аффикса с корневой морфемой, а также отмечаются семантические сдвиги производных глаголов, связанные с расширением дистрибутивных возможностей исследуемой морфемы. Здесь же отмечаются лексико-грамматические особенности словообразовательных моделей исследуемого ряда. В частности, включение суффиксальной морфемы -тэ в состав производной основы может способствовать транзитивации интранзитивного глагола.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/5-1/19.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 5(83). Ч. 1. С. 94-98. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/5-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

4. **Комарова З. И., Шилова Е. В.** Денотативное пространство метатекста дефиниций как способ представления научно-технического знания // Стереотипность и творчество в тексте: межвуз. сб. науч. тр. Пермь: Пермский ун-т, 2005. Вып. 9. С. 104-110.
5. **Никитин М. В.** Основания когнитивной семантики. СПб.: Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена, 2003. 277 с.
6. **Ростова А. Н.** Метатекст как форма экспликации метаязыкового сознания (на материале русских говоров Сибири). Томск: Изд-во Томского ун-та, 2000. 194 с.
7. **Шилова Е. В.** Терминологическая дефиниция как метатекст в русскоязычной и англоязычной научно-технической литературе: автореф. дисс. ... к. филол. н. Екатеринбург, 2005. 24 с.
8. **Щемелева Е. Ю.** Определение и способы его языковой реализации (коммуникативно-структурный подход): автореф. дисс. ... к. филол. н. Ростов н/Д, 1991. 21 с.
9. **Haque S. A. et al.** An architecture for client virtualization: A case study // Computer Networks. 2016. № 100. P. 75-89.
10. **Harwood A. R. G. et al.** Parallelisation of an interactive lattice-Boltzmann method on an Android-powered mobile device // Advances in Engineering Software. 2017. № 104. P. 38-50.
11. **Jiang P. et al.** A service-oriented architecture for coupling web service models using the Basic Model Interface (BMI) // Environmental Modelling and Software. 2017. № 92. P. 107-118.
12. **Lee S. E. et al.** A comparison of energy systems in Birmingham, UK, with Masdar City, an embryonic city in Abu Dhabi Emirate // Renewable and Sustainable Energy Reviews. 2016. № 65. P. 1299-1309.
13. **Monaaf D. A. Al-Falahi et al.** A review on recent size optimization methodologies for standalone solar and wind hybrid renewable energy system // Energy Conservation and Management. 2017. № 143. P. 252-274.
14. **Murray E. J., Olfman L.** A Model of Knowledge Management Success // International Journal of Knowledge Management. 2006. № 2 (3). P. 51-68.
15. **Revelle R. R., Shapero D. C.** Energy and Climate // Environmental Conservation. 1978. Vol. 5. № 2. P. 81-91.
16. **Roy N. K. et al.** Reactive power management of distribution networks with wind generation for improving voltage stability // Renewable Energy. 2013. № 58. P. 85-94.
17. **Tashenov A.** Mechanical engineering in the single economic space of Russia, Kazakhstan and Belarus // Advancing functional economic cooperation: Eurasian integration yearbook. Almaty, 2013. P. 233-252.
18. **Yifan Gu et al.** Waste electrical and electronic equipment (WEEE) recycling for a sustainable resource supply in the electronics industry in China // Journal of Cleaner Production. 2016. № 127. P. 331-337.

“PART-WHOLE” RELATION AS A MECHANISM OF THE METATEXT OF TERMINOLOGICAL DEFINITION

Dedyukhina Anna Sergeevna, Ph. D. in Philology

Chusovitina Elena Vladimirovna, Ph. D. in Philology

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg

a.s.dedyukhina@urfu.ru; e.v.chusovitina@urfu.ru

The article deals with terminological definitions, which are elements of the construction of scientific texts. It is substantiated that in such definitions the metalanguage function of the language realizes its potential, therefore these elements are described as metatexts participating simultaneously in the process of text generation and in the explanation of the language. A new approach to the analysis of the units under study is the consideration of “part-whole” relation as a mechanism of their construction. As a result of this analysis the authors identify and describe variants of partitive mechanisms of the construction of terminological definitions functioning in scientific texts.

Key words and phrases: terminological definition; metalanguage; metatext; “part-whole” relation; text-generation mechanism.

УДК 811.352.5

Дата поступления рукописи: 19.02.2018

<https://doi.org/10.30853/filmnauki.2018-5-1.19>

В данной статье на основе фактического материала прослеживается процесс превращения связанной корневой морфемы -тэ в суффиксальную. Определяется семантическая связь указанного аффикса с корневой морфемой, а также отмечаются семантические сдвиги производных глаголов, связанные с расширением дистрибутивных возможностей исследуемой морфемы. Здесь же отмечаются лексико-грамматические особенности словообразовательных моделей исследуемого ряда. В частности, включение суффиксальной морфемы -тэ в состав производной основы может способствовать транзитивации интранзитивного глагола.

Ключевые слова и фразы: несвободные корневые морфемы; динамические глаголы; словообразовательные модели; локальный преверб; дистрибутивные возможности.

Дзуганова Рита Хабаловна, д. филол. н., ведущий научный сотрудник

Институт гуманитарных исследований –

филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, г. Нальчик

dzug.rita@yandex.ru

ХАРАКТЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СУФФИКСАЛЬНОЙ МОРФЕМЫ -ТЭ В ГЛАГОЛЕ КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОГО ЯЗЫКА

Часть глагольных суффиксов в кабардино-черкесском языке обнаруживает генетическую связь с общедыгскими несвободными корневыми морфемами. Это глагольные суффиксы -кI, -хь, -х, -тэ, -жэь, -с.

Они исторически восходят к несвободным (связанным) корням *-кЫ-* (*и-кЫ-н* – «выходить»), *-хьэ-* (*и-хьэ-н* – «входить»), *-хы-* (*е-хы-н* – «спускаться вниз»), *-тэ-* (*е-тэ-н* – «обнаглеть, распоясаться»), *-жьэ-* (*е-жьэ-н* – «отправляться»), *-сы-* (*нэ-сы-н* – «дойти, доехать до») (здесь и далее перевод автора статьи. – Р. Д.) [3, с. 74]. Вопрос о происхождении указанных глагольных суффиксов не ставился в специальной литературе, хотя некоторые соображения по истории этих аффиксов можно найти в отдельных исследованиях по грамматике адыгских языков. Это делает, на наш взгляд, актуальным настоящее исследование.

Характерной особенностью указанной группы суффиксов является то, что они встречаются только в основах динамических глаголов. Хотя они и объединяются по происхождению, каждый из них своеобразен по своему семантическому потенциалу, а также неодинаково проявляется их семантическая связь с указанными несвободными корнями.

Учитывая вышесказанное, мы ограничимся в данной статье выявлением особенностей функционирования одного из перечисленных суффиксов, а именно – морфемы *-тэ*, в глагольной словообразовательной и словоизменительной системе кабардино-черкесского языка.

В адыгейском языке исследуемая морфема представлена как экспрессивно-усилительная частица, указывающая на желательность действия, выраженную условным глаголом. Ср.: *кӀуа-гъа-е-тэ-мэ* – «если б он пошел» [16, с. 306]. Приведенный пример показывает, что, хотя рассматриваемый суффикс авторами «Грамматики адыгейского языка» причислен к словообразовательным частицам, на деле он служит для образования оптатива в адыгейском языке. В кабардино-черкесском языке для этой цели используется суффикс *-рэт* (*цэрэт*). Ср.: *кӀуа-рэт* (*кӀуа-цэрэт*) – «хотя бы он пошел». Как видно из материала, это разные морфемы.

В монографии М. А. Кумахова «Морфология адыгских языков» исследуемой нами суффиксальной морфеме уделяется небольшое внимание. Ее автор причисляет суффикс *-тэ* к непродуктивным глаголообразующим аффиксам, приводит несколько примеров, содержащих рассматриваемый суффикс, не указывая на семантику, вносимую им в глагольную основу. Ср.: *кӀуэ-тэ-н* – «продвигаться» (от *кӀуэ-н* – «идти»), *лӀэ-тэ-н* – «летать» (от *лӀэ-н* – «прыгать»), *бзы-тэ-н* – «разрезать» (от *бзы-н* – «кроить») и др. [12, с. 196].

В другой работе – «Сравнительно-историческая грамматика адыгских (черкесских) языков» – М. А. Кумахов открывает раздел «Суффиксальные глаголы» именно исследуемой нами морфемой *-тэ*. «Общеадыгская *-тэ* вносит в глагол значение интенсивности и повторности действия», – отмечает он и приводит примеры: *пхьуэ-тэ-н* – «схватить» (от *пхьуэ-н* – «хватать»), *луэ-тэ-н* – «рассказать» (от *луэ-н* – «говорить, сказать»), *кӀуэ-тэ-н* – «продвигаться» (от *кӀуэ-н* – «идти»), *бзы-тэ-н* – «нарезать ломтями» (от *бзы-н* – «резать, кроить что-л.»), а также отыменные *гьуэ-тэ-н* – «заплесневеть» (от *гьуэ-жь* – «желтый»), *бэ-тэ-н* – «уродиться» (от *бэ* – «много»). Происхождение неясно, как пишет далее М. А. Кумахов, семантически есть некоторые основания для сближения с общеадыгской корневой морфемой *ты-* – «давать». Для доказательства перехода *ты-* в *тэ-* он приводит пример: *йэ-тэ-н* – «распоясаться, буйствовать» [13, с. 245].

В монографии А. К. Шагилова «Фонетика и морфология кабардинского языка» представлен немногочисленный список суффиксальных морфем. Среди них и непродуктивный глагольный суффикс *-тэ*. По мнению А. К. Шагилова, указанный суффикс выступает со значением отрезка, преодоления известного расстояния: *кӀуэ-тэ-н* – «продвигаться» (*кӀуэ-н* – «идти»), *лӀэ-тэ-н* – «летать» (*лӀэ-н* – «прыгать»), *ды-тэ-н* – «стегать» (*ды-н* – «шить») [21, с. 162].

Научная новизна данной работы заключается в том, что, суммируя взгляды ученых-адыговедов по рассматриваемой морфеме, а также анализируя фактический материал, нами установлен важный факт, касающийся исследуемой морфемы. Выявив круг ее сочетаемости, мы можем утверждать, что значения, вносимые в производную основу, большей частью зависят от содержания основы, включающего исследуемый аффикс. Рассмотрим на материале. Ср., например: *УтӀэр Лъакъуэдыгъухэ я псы дыхьэпӀэм нэблэгъауэ, шуутӀ кьыкьуэлъэтри япхьуэтац* [15, с. 66]. / «Когда Ута добралась до Лакодуговых, из-за угла выскочили (неожиданно) двое всадников и схватили ее». В данном предложении выступают два глагола с семантикой интенсивности действия (*кьы-кьуэ-лӀы-н* – «выпрыгнуть из-за угла» и *пхьуэ-н* – «хватать»). Включаясь в состав рассматриваемых моделей, интересующий нас суффикс придает им оттенок полноты и завершенности глагольного действия. Таким образом, дополнительные характеристики процесса или действия, вносимые суффиксом *-тэ* в состав производных глаголов, способствуют расширению смысловой структуры исследуемого аффикса.

Так, для производных глаголов, содержащих суффикс *-тэ*, характерна не только семантика интенсивного действия, но, напротив, постепенного, замедленного действия [4, с. 79]. Ср., например: *Сакъыныгъэ ин хэлуэ Жанболэт мэкӀуатэ, къоувылэри зэходэӀукӀ* [14, с. 31]. / «С большой осторожностью Жанболат медленно продвигается вперед, останавливаясь временами и прислушиваясь».

По нашим наблюдениям, суффикс *-тэ* вносит в семантику глагола чаще всего оттенок «размножения, измельчения». Ср. также: *ЛыцӀыкӀулыбжьэ ищӀыну цубзита лы гьурыр псым хегъэвыкӀри (Залинэ) шытс ищӀыхь* [22, с. 167]. / «Она (Залина) нарезала мясо мелкими кусками, отварила в воде и сделала подливу».

Значение избыточности и избылиния суффикс *-тэ* вносит чаще всего в отыменные основы. Ср.: *бэ-тэ-н* – «уродиться (о плодах, злаках)», *гьэ-бэ-тэ-н* – «распространить что-л.» (*перен*). *Езы тӀум – хьэжьырэ КӀэтӀырэрэ – я бзэ зэгурьӀуэу цытауэ ягъэбатэ* [15, с. 58]. / «Люди распространяют слух, что, мол, хаджи и Катира раньше были большими друзьями». Ср. также: *Ар лыгъэм лей кьызырылысам игъэбатат иджы* [14, с. 35]. / «Его злость удвоилась теперь от того, что мужественность получила такое оскорбление».

Суффикс *-тэ* в отыменном глаголе *е-тэ-н* – «распоясаться, разойтись» (от *е* – «зло») демонстрирует также проявление избыточности, чрезмерности. Ср.: *ХьэщӀымахуэ и Гэхьуэгъуэм Гундэлэн мэатэ* [7, с. 53]. / «Когда наступает очередь Хачимахи (пасти коров), даже река Гунделен начинает выходить из берегов».

Характерной особенностью моделей, содержащих суффикс *-тэ*, является то, что они могут употребляться без провербов. Ср.: *Луэ-тэ-н* – «рассказать» (от *Луэ-н* – «говорить»). Ср.: *Цыхур кьенцлэкауэ (Масирэт) яхэсу срихьэлацац уи хьыбар (Залинэ) яЛуатэу* [22, с. 172]. / «Я сама слышала, как она (Масират) сплетничала про тебя (Залина)».

Однако это не означает, что рассматриваемые модели не могут сочетаться с локальными провербами. Некоторые типы основ, включающие суффикс *-тэ*, могут сочетаться со всеми локальными провербами, образуя при этом множество производных основ. Так, например, суффикс *-тэ* в глагольной основе *кЛуэ-н* – «идти» сочетается со многими локальными провербами. Ср.: *бгьэдэ-кЛуэ-тэ-н* – «приблизиться к кому-чому-л.». *Бжеслэниц, Имани, нэмыси, напи узэримылэр!* – *хуабжэу кьэмэхьэшауэ (Бэрокуэ Болэт) бгьэдэ-кЛуатэурэ жишац Шэджэмокуэ Увжыкьэуэ* [17, с. 121]. / «Я тебе скажу, что у тебя нет ни стыда ни совести», – выпалил Увжико Шогемоков, подходя близко к нему (Болату Борокову). Ср. также: *Сэ сьтетлысхэниц, – кьыхокл Пшутлрушкли икли шым бгьэдэ-кЛуатэ* [11, с. 17]. / «Я сяду», – сказал Петрушка и приблизился к лошади.

Сочетание суффикса *-тэ* с провербом *дэ* – довольно частое явление в глаголе кабардино-черкесского языка: *дэ-кЛуэ-тэ-н* – «проводить кого-что-л.». Ср., например: *Лыжжэ-кЛуэ-тэ-н цужькьлэ, езы Шэджэмокуэ кьигьэзэжащ, нэхьри нэхь кьызэцлэплярэ мафлэм ису, и гур кьеныкьэуэ* [17, с. 267]. / «Шогемоков проводил стариков и вернулся, теперь он был еще больше обеспокоен». Синонимом проверба *дэ* – выступает проверб *кЛэлы-*: *кЛэлы-кЛуэ-тэ-н* – «проводить кого-что-л.». *Хэсет цыдэ-кЛуэ-тэ-н Розэ кЛэлы-кЛуэ-тэ-н* [8, с. 6]. / «Когда Хасет уходил, Роза его проводила».

Широкое распространение имеют модели, где суффикс *-тэ* сочетается с провербом *жьэхэ-*: *жьэхэ-кЛуэ-тэ-н* – «подойти спереди к кому-чому-л. близко». *И гьунэлуэмкэ цыт Дзадзэ жьэхэ-кЛуэ-тэ-н (Дзэпц Мыхьэмэт), и псалэ кьэс бгым кьыгуэуа мывэу кьытещицацэм ещхьэ Дзадзэ зыхуигьэзэцац...* [5, с. 89]. / «Предводитель войска Мухамат приблизился к Дзадзе, который стоял сбоку, и обратился к нему так, будто каждое слово его камнем сыпалось с гор на него». Ср. также: *Зыри кьыгурымылуэм хуэдэу, гьэрыр лыжжэ-кЛуэ-тэ-н, и жьаклэ цырхьым кьелэцац* [1, с. 59]. / «Пленный притворился умалишенным, подошел близко к старику и дернул его редкую бородку». Синонимичны также модели *жьэхэ-кЛуэ-тэ-н* – «подойти спереди к кому-чому-л. близко» и *нэцлэ-кЛуэ-тэ-н* – «приблизиться к кому-чому-л. спереди». Ср.: *Нэгьуей сримыкьэуэм гьунэнидэжыкьэхэ-кЛуэ-тэ-н сыпцэнут уэ нэклэ-кЛуэ-тэ-н? – жи-лэри Яхья нэцлэ-кЛуэ-тэ-н лыжжэ цыкьлэуэм* [2, с. 109]. / «Если я не сын Нога, ты что, хотел продать меня за отрез на брюки?» – возмущенный Яхья приблизился к старичку».

Представляет интерес то, что словообразовательная модель *хэ-кЛуэ-тэ-н*, строящаяся с помощью локального проверба *хэ-* и суффикса *-тэ*, выступает с непространственным значением «запоздать (о поздней весне, вечере и т.д.)». *Илгэс ныкьэуэ нэхьыбэ дэмыкьэуэ, цылымахуэ пьыхьэцхьэр хэ-кЛуэ-тэ-н, кьэзакь шу зыкьом Степан Илыч дэж кьыдэлэдацац* [10, с. 143]. / «Не прошло и полгода, как поздним зимним вечером к Степану Илычу ворвались несколько всадников-казаков». Ср. также: *Апхуэдэм дэж зэрахэбзэуэ, хьыбарыжь кьрахэжэ-кЛуэ-тэ-н гуныр хэ-кЛуэ-тэ-н зэхэсац* [6, с. 49]. / «В таких случаях, как правило, они начинали рассказывать старинные истории и сидели все допоздна».

Словообразовательные модели с префиксом *йэ-(е-)* при сочетании с суффиксом *-тэ* требуют наличия еще другого суффикса. Ср.: *е-кЛуэ-тэ-лэ-н* – «подойти близко к кому-чому-л.», *е-кЛуэ-тэ-хы-н* – «спуститься вниз», *е-кЛуэ-тэ-кы-н* – «отодвинуться в сторону» и т.п. Ср. на примерах: *А дакькьэхэм цей укьуэ зыцыгьэ лы кЛэцлэри зи бгым ерагьыу нэс джэгуа-кЛуэ фьызыхуэм кьыдэфэт, зээмызэ и пьлэ хурейр е-кЛуэ-тэ-лэ-н, дыгьэ нурьр кьызырыц и цхьэфэхьур кьыцлэ-кЛуэуэ* [1, с. 127]. / «Мужичок невысокого роста в потрепанной черкесске танцевал с высокой женщиной, шапка его часто сдвигалась в сторону, и обнажалась его лысына». Ср. также: *И нэхэм ялгэ-кЛуэ-тэ-н и флэц мыхьэуэ, ар (нысэм и дэлхур) нэхь гьунэгуэуэ, муэ-кЛуэ-тэ-н лэ-кЛуэ-тэ-н, Бот е-кЛуэ-тэ-лэ-н* [6, с. 63]. / «Брат невестки, не веря своим глазам, очень близко подошел к Боту».

Суффикс *-тэ* имеет свои лексико-грамматические особенности. Так, включение указанного суффикса в состав беспровербного глагола не влияет на полиперсональность глагола. Ср., например: *ар ма-кЛуэ* – «он идет» и *ар мэ-кЛуэ-тэ* – «он продвигается» (одноличный непереходный глагол). Однако при включении в состав данной основы элементов *е-* и *-лэ* производный глагол *ар абы йо-кЛуэ-та-лэ* – «он подходит близко к кому-чому-л.» преобразовывается в двухличный непереходный глагол. Ср.: *(Къазий) Увылэжыххэтэ-кЛуэ-тэ-н дауэ шрет цыху кьыхэ-кЛуэ-тэ-н, Дылу дамэдазэ тлэ-кЛуэ-тэ-н е-кЛуэ-тэ-лэ-н кьыгьэгуэ-кЛуэ-тэ-н* [1, с. 115]. / «(Казий) никак не угомонился, а Дилу как-никак был благородного происхождения, подошел к щели и сказал: “Освободить тебя мы не в силах, но солдатам скажем, чтоб прекратили побою”».

Особый интерес для нас представляет то, что исследуемая нами суффиксальная морфема, придавая производному глаголу оттенок полноты охвата действия, может способствовать транзитивации интранзитивного глагола. Ср., например: *ар мапхуэ* и *ар кьопхуэ* – «он хватает» (непереходный одноличный глагол), но *ар кьепхуэ-тэ* – «тот хватает его» (двухличный переходный глагол). Другими словами, суффикс *-тэ* может влиять на переходность глагольного значения.

Суффикс *-тэ*, сочетаясь со сложными провербами *зэхэ-*, *зэхуэ-*, выражает значение полноты действия. Ср.: *А фьызытлым (Дисэрэ Муслымэтрэ) хуабжэу я дзыхь зэрагьэзырти, я цэхуи зэхуа-кЛуэ-тэ-н* [6, с. 63]. / «Эти две женщины (Диса и Муслимат) так доверяли друг другу, что открывали (рассказывали) свои тайны». Ср. также: *(Уэлий и адэихуэр) Стойкэм телэ цэ-кЛуэ-тэ-н кьамэ-кЛуэ-тэ-н зэхуа-кЛуэ-тэ-н ар тучаным кьыцлэ-кЛуэ-тэ-н, псори я жьэр Лурыхуэуэ кьеплэуэ* [19, с. 20]. / «Он (дедушка Олия) подошел к стойке, изрубил кинжалом рулон ткани и вышел из магазина на глазах у изумленной публики».

Словообразовательные модели, производные от основы *кIуэ-н* – «идти», с помощью суффикса *-тэ* могут образовать форму субъектной версии, включая в свой состав префикс возвратности *зы-* при наличии другого локального преверба. Ср.: *абы ар абы бгъэде-гъэ-кIуэ-тэ* – «он приближает его к нему» (трехличный переходный глагол) и *абы ар зы-бгъэде-гъэ-кIуа-тэ* – «он пододвигает то к себе» (двухличный переходный глагол). Как видно, трехличный переходный глагол при этом становится двухличным, теряя лицо ближайшего (прямого) объекта, а переходность глагола сохраняется. Ср.: *Къамбот абы нэхъ жимыIэу къеувэхци, жьэгуи дэт шэнт цыкIуи тетIысхъэри Iэнэр зыбгъэдигъэкIуэтиац* [2, с. 67]. / «Камбот спустился с кровати, сел на маленький стул у очага и пододвинул к себе столик». Ср. также: *Щхъэ теиIауэ ауэ цыт пэгуньжьыр зыбгъэдигъэкIуэтиери ЛэматIэ ятрипхъац джээдхэм цыкъун* [11, с. 78]. / «Ломата пододвинула к себе ведро с закрытой крышкой и стала кормить птиц».

Субъектная версия переходного глагола в адыгских языках совпадает с возвратной формой глагола других языков. Ср.: *русск.* девушка купает ребенка и девушка купается. В отличие от форм возвратного залога русского языка, в указанных языках в форме субъектной версии переходность глагола не изменяется [16, с. 265]. Рассмотрим на материале. Ср., например: *адыг.* *Ац ар ы-пхъо-т-агъ, каб. абы ар и-пхъуэ-т-ац* – «он схватил то», но *адыг.* *ац з-и-пхъо-т-агъ, каб. абы з-и-пхъуэ-т-ац* – «он подскочил» (букв. «он схватил себя»). *Пиъаишъэжъыер цхи, мзыи пчэным фэдэу з-и-пхъуа-ти, Гулъэтыгъ* [18, с. 48]. / «Девочка засмеялась, подскочила, как дикая коза, и убежала». Ср. также: *Бадэ зипхъуатэри бжэмIэ ежъац, ауэ бжэм зэрынэсу къыгъээжъацци нэмыукIытагъэ хэлъу гуацэм йоупцI:* – *Уэ зэрыжыпIа дьдэм хуэдэу зисухъэным жесIэжыну* [9, с. 148]?.. / «Бада быстро вскочил и направился к двери, но тут же остановился и нагло переспросил княгиню: “Прямо так и передать князю?..”».

Сложные модели с суффиксом *-тэ* могут сочетаться с другими суффиксальными морфемами (ср. *зэ-гъэ-кIуэ-тэ-лIэ-н* – «придвинуть к себе вплотную»). Ср.: *ИтIанэ ар жызыIам и псэлъэгъур мэлэбэри, а псэ плейтей пкъымызагъэ цыкIур нэхъ гъунэгъуу зрегъэкIуэтиIэ* [20, с. 45]. / «Потом тот его собеседник пододвигает того непоседу к себе поближе».

От производных основ исследуемого ряда образуются все временные формы. Ср., например:

Настоящее время – *соубзытэ* – «я нарезаю то».

Будущее I – *сыубзытэниц* – «я нарежу то».

Будущее II – *сыубзытэнуц* – «я буду нарезать то».

Перфект I – *сыубзытац* – «я нарезал то».

Перфект II – *сыубзытат* – «я тогда нарезал то».

Имперфект – *сыубзытэт* – «я тогда резал то».

Плюсквамперфект I – *сыубзытэгъац* – «я еще тогда резал то».

Плюсквамперфект II – *сыубзытэгъат* – «я тогда уже нарезал то».

Аорист – *сыубзытэц аби...* – «я нарезал то и...».

Итак, из проведенного анализа материала можно сделать некоторые выводы. Суффикс *-тэ*, на наш взгляд, восходит к корневой морфеме *тэ-* (от *е-тэ-н* – «распоясаться, буйствовать»). Надо сказать, что в определенных типах основ суффикс *-тэ* по-разному проявляет семантическую связь с данным корнем. Так, суффикс *-тэ* в производных образованиях типа *бэ-тэ-н* – «раздаваться», *Iуэ-тэ-н* – «распространяться (о слухе)», *бзы-тэ-н* – «нарезать ломтями, кусками» сохраняет семантическую связь с корнем глагола *е-тэ-н* – «распоясаться», в то время как в глагольных основах типа *кIуэ-тэ-н* – «продвигаться вперед», *пхъуэ-тэ-н* – «хватать что-л.» этот же суффикс утратил функции указанного корня. Подобные семантические сдвиги в смысловой структуре исследуемого аффикса *-тэ* и расширение дистрибутивных возможностей способствуют увеличению зоны его распространения и выведению в разряд более употребительных аффиксов.

Список источников

1. Абитов В. К. Пустое седло / на черкесском языке. Черкесск: Лъахэ, 2009. 211 с.
2. Гашоков Х. Х. Отец и сын / на черкесском языке. Черкесск: Ставропольское кн. изд-во, 1973. 383 с.
3. Дзуганова Р. Х. Особенности функционирования суффикса *-х* в глаголе кабардино-черкесского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 8 (50). Ч. 3. С. 73-75.
4. Дзуганова Р. Х. Способы суффиксального образования глаголов в кабардино-черкесском языке. Нальчик: Типография КБНЦ РАН, 1998. 116 с.
5. Дугужев К. Б. Зимняя радуга / на черкесском языке. Черкесск: Карачаево-Черкесское кн. изд-во, 2011. 176 с.
6. Журтов Б. К. Семья. Нальчик: Эльбрус, 2004. 200 с.
7. Кабардинские пословицы и поговорки: в 2-х т. / сост. З. Кардангушев, А. Гукемух. Нальчик: Эльбрус, 1967. Т. 2. 251 с.
8. Кармоков М. М. Мокрая кошка // Ошхамахо (Эльбрус) / на кабардинском языке. Нальчик: Тетраграф, 2011. № 3. С. 3-44.
9. Каширгов Х. Х. Ореол. Нальчик: Эльбрус, 1976. 378 с.
10. Кешоков А. П. Собрание сочинений: в 6-ти т. Нальчик: Эльбрус, 2005. Т. 2. Чудесное мгновение / на кабардинском языке. 488 с.
11. Китов Ф. И. Капли жизни / на черкесском языке. Черкесск: Карачаево-Черкесское кн. изд-во, 1995. 127 с.
12. Кумахов М. А. Морфология адыгских языков. Нальчик: Кабардино-Балкарское кн. изд-во, 1964. Ч. 1. 272 с.
13. Кумахов М. А. Сравнительно-историческая грамматика адыгских (черкесских) языков. М.: Наука, 1989. 383 с.
14. Мафедзев С. Х. Черная бурка / на кабардинском языке. Нальчик: Эльбрус, 1974. 238 с.
15. Налоев З. М. Одинокий журавль / на кабардинском языке. Нальчик: Эльбрус, 1981. 398 с.
16. Рогава Г. В., Керашева З. И. Грамматика адыгейского языка. Краснодар – Майкоп: Краснодарское кн. изд-во, 1966. 462 с.
17. Теунов Х. И. Род Шогемоквых. Нальчик: Эльбрус, 1969. 366 с.
18. Тлюстен Ю. Ожбаноквы / на адыгейском языке. Майкоп: Адыгейское кн. изд-во, 1962. 380 с.

19. Хапсироков Х. Х. Гучо / на черкесском языке. Черкесск: Карачаево-Черкесское отделение Ставропольского кн. изд-ва, 1980. 262 с.
20. Хахов С. Г. Тропинка ведет к дороге / на кабардинском языке. Нальчик: Эльбрус, 2011. 618 с.
21. Шагиров А. К. Фонетика и морфология кабардинского языка. Нальчик: Эль-фа, 2004. 220 с.
22. Шогенцуков А. О. Назову твоим именем / на кабардинском языке. Нальчик: Эльбрус, 1973. 304 с.

TYPICAL PECULIARITIES OF THE SUFFIXAL MORPHEME -TƏ IN THE KABARDINO-CIRCASSIAN VERB

Dzukanova Rita Khabalovna, Doctor in Philology, Senior Researcher
*Institute for the Humanities Research –
Branch of the Kabardino-Balkarian Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, Nalchik
dzug.rita@yandex.ru*

Relying on the factual material the article traces the process of transforming the bound root morpheme *-mə* into a suffixal one. The author discovers semantic relation of the mentioned affix with the root morpheme and identifies semantic shifts of derivative verbs conditioned by broadened distributive potentials of the analyzed morpheme. The paper examines lexico-grammatical peculiarities of the word-formative models under study. In particular, the author concludes that inclusion of the suffixal morpheme *-mə* in the structure of the derivative basis promotes transitivity of the intransitive verb.

Key words and phrases: bound root morphemes; dynamic verbs; word-formative models; local pre-verb; distributive potentials.

УДК 8; 81:3.67

Дата поступления рукописи: 23.01.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-5-1.20>

Статья раскрывает содержание понятия «клауза». Автор затрагивает проблему разграничения различных видов клауз и подвергает критике точку зрения, согласно которой клаузы делятся на финитные, нефинитные и безглагольные. В данной работе под клаузой понимается двухкомпонентная единица, глагольный компонент которой содержит финитный глагол. Среди клауз разграничены двусоставные предложения, содержащие полнозначный глагол, и репрезентанты двусоставных предложений, в которых сказуемое представлено служебным глаголом. В статье также выявляются прагматические функции клауз с инвертированным порядком слов.

Ключевые слова и фразы: финитная клауза; предложение; репрезентант предложения; инвертированный порядок слов; прагматическая функция.

Жуйкова Полина Сергеевна, к. филол. н.

Шершукова Наталья Владимировна, к. филол. н.

Саратовский социально-экономический институт

Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова

juikova.poly@bk.ru; nnv77@list.ru

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ КЛАУЗ С ИНВЕРТИРОВАННЫМ ПОРЯДКОМ СЛОВ

Как известно, одной из ведущих парадигм современного языкознания является функциональная парадигма. При изучении языка в рамках функциональной парадигмы на первый план выдвигаются вопросы его функционирования. Соответствие предпринятого исследования установкам функциональной лингвистической парадигмы определяет его актуальность.

Целью исследования является выявление особенностей функционирования англоязычных клауз с инвертированным порядком слов. Цель исследования предопределяет следующие задачи:

- 1) уточнить определение понятия «клауза»;
- 2) разграничить разновидности клауз по признаку характера глагольного компонента;
- 3) выявить прагматический потенциал клауз с инвертированным порядком слов.

Научная новизна исследования обусловлена следующим: автор уточняет понятие термина «клауза» и разграничивает две разновидности клауз: двусоставные предложения и репрезентанты двусоставных предложений.

С момента возникновения объяснительной, или научной, грамматики английские лингвисты используют два термина: “sentence” (предложение) и “clause” (клауза) [25, p. 161-171]. В русистике термин «клауза» вошел в обиход совсем недавно [11, с. 256-257].

Некоторые англисты разграничивают три вида клауз: финитные, нефинитные и безглагольные [9; 21]. Финитные клаузы двухкомпонентные: N + V. Глагольный компонент финитной клаузы (V) включает личную, то есть предикативную, форму глагола. Ср.:

The boy gives the dog a bone every day [15, с. 196]. / *Мальчик дает собаке кость каждый день* (здесь и далее перевод автора статьи. – П. Ж.).